

УДК 314.74

Россия и Запад: диалектика взаимодействия культур и противостояния мифологий

С. И. Трунев, Е. Ю. Антонюк

Трунев Сергей Игоревич, доктор философских наук, профессор кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., si_trounev@mail.ru

Антонюк Екатерина Юрьевна, кандидат культурологии, доцент кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, eyu_antonjuk@mail.ru

Авторы исходят из положения, согласно которому постиндустриальное общество разделено на элиту и массу (З. Бауман, П. Вирилио). Элита экстерриториальна и мобильна; массы территориально ограничены и их перемещения – это либо туризм, либо трудовая миграция. В культурном отношении элиты склонны взаимодействовать более между собой, чем со своими народами. Массы, с одной стороны, используют в жизни объекты «других» культур, но с другой – противостоят друг другу на уровне мифологий. Разумеется, мифология необходима массовому человеку для того, чтобы он чувствовал себя полноправным членом общества, результатом длительного исторического процесса, обладателем всех лучших качеств представителей своей страны. Однако здесь имеется противоречие. Массовое сознание охотно воспринимает, а российский массовый человек с удовольствием использует объекты материальной и духовной культуры, созданные в рамках западного общества. Некоторые объекты отечественной культуры (водка, русская баня, автомат Калашникова и т. п.) также становятся весьма популярными на Западе. Это взаимопроникновение культур парадоксальным образом сочетается с обоюдным и совершенно откровенным неприятием на мифологическом уровне. Синтезом является наша повседневная жизнь, объединяющая противоречащие друг другу элементы культуры и мифологии в едином однонаправленном потоке.

Ключевые слова: элита, масса, мифология, бинарные оппозиции, диалектика, синтез.

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-35-38>

Рассуждая о «взаимодействии культур», исследователи зачастую забывают о том, что само по себе данное выражение подразумевает взаимодействие некоторых надличностных инстанций. Получается, что культуры взаимодействуют как бы сами собой. Однако очевидно, что, поскольку носителем культуры выступает субъект, принадлежащий к определенной социальной группе, не следует рассматривать взаимодействие в отрыве от субъекта. Необходимо вспомнить исходные предпосылки исследования, выработанные еще К. Марксом и Ф. Энгельсом: «Предпосылки, с

которых мы начинаем, – не произвольны, они – не догматы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как находимые ими уже готовыми, так и созданные их собственной деятельностью» [1, с. 10]. Таким образом, уже в самом начале исследования необходимо рассмотреть основные характеристики постиндустриального общества и прежде всего его социальную структуру.

Повествуя о последней, З. Бауман и П. Вирилио разделяют в современном мире две большие социальные общности: элиту и массу. Элита – представители капитала, экскстерриториальные по отношению к территориально ограниченному государству, обладающие повышенной мобильностью, т. е. способностью к свободному перемещению по земному шару: «Элиты передвигаются в пространстве и делают это быстрее, чем когда-либо прежде, но быстрота действий и плотность сетей власти, которые они ткнут, не зависят от их передвижения. Обретя “бестелесность”, главным образом в ее финансовой форме, власть предрержащие становятся действительно экскстерриториальными, даже если телом они остаются “на месте”» [2, с. 95]. Транснациональные элиты взаимодействуют как в экономическом, политическом, так и в культурном отношении. Преследуя чисто коммерческие цели, элиты никого не могут окончательно назвать «врагом» и предпочитают ситуативные (т. е. соответствующие политической ситуации) словесные выпады и (или) извинения. Что касается культурного взаимодействия, то оно фактически сводится к организации и совместному посещению одних и тех же культурных мероприятий (фестивалей, благотворительных мероприятий, аукционов и т. п.). В этой связи отметим, что в культурном отношении элиты значительно ближе друг к другу, нежели к своим «народам», т. е. к массе. Значимым является и то обстоятельство, что элиты различного уровня задают массам стереотипы поведения и образа жизни в целом. Массы же находятся в непрерывном «догоняющем» положении, поскольку высокая мобильность элит – это также, если так можно выразиться, культурная мобильность, т. е. способность к резким

и внезапным для масс изменениям правил игры на культурном поле. Ярким примером последнего является мода, понимаемая в широком смысле: от моды на одежду и аксессуары до моды на определенные слова и устойчивые словосочетания.

Масса – это народ, вынужденный в силу ряда причин проживать на строго очерченной территории, в пределах определенного государства. Перемещения массы ограничиваются более или менее систематическими туристическими поездками либо трудовой миграцией. В культурном отношении массы более самобытны, поскольку значимыми компонентами их сознания выступают традиции, обычаи, традиционные верования и т. п. По словам М. Кастельса, «складывается картина, один из компонентов которой составляет доминирующая глобальная элита, существующая в пространстве потоков и состоящая, как правило, из индивидуумов, обладающих менее яркой самобытностью (“граждане мира”); но на этой картине одновременно присутствуют и люди, сопротивляющиеся лишению своих привилегий в экономической, культурной и политической областях и тяготеющие к самобытности сообщества» [3, с. 299]. Позиция М. Кастельса при всей ее привлекательности возводит в абсолют культурную самобытность некоторых социальных групп, представляя их в качестве сообществ сетевого сопротивления некоей глобальной системе. На самом деле это не совсем так.

Если культурное взаимодействие элит осуществляется на общем культурном поле, то массы взаимодействуют в двух пересекающихся плоскостях. Первое поле формируется образцами массовой культуры, которые, как правило, одинаково оцениваются представителями различных локальных масс. Согласно Ж.-Ф. Лиотару основу массовой культуры составляет эклектизм: «Эклектизм есть нулевая ступень всеобщей культуры наших дней: мы слушаем reggae, смотрим western, обедаем у Макдональда, а вечером пользуемся услугами местной кухни; в Токио душатся по-парижски, в Гонконге одеваются в стиле ретро; знание есть то, о чем задаются вопросы в телевизионных играх. Эклектическим творениям легко найти себе публику. Обращаясь в китч, искусство подлаживается под тот беспорядок, который царит во “вкусе” любителя» [4]. Нетрудно заметить, что в пределах данного поля если самобытность и существует, то она представляет собой, скорее, симулякр традиционной культуры, оторванный от ее глубинных (прежде всего мировоззренческих) основ и представленный в «удобоваримой» для всех форме. Это означает, что культурное взаимодействие, конечно, происходит, но оно не способно изме-

нить базисные структуры массового сознания. По существу культурная самобытность здесь формирует социальные группы, получившие от З. Баумана меткое определение «карнавалы сообщества».

Вторым полем взаимодействия оказывается пространство мифологии, т. е. стереотипные представления о собственной культуре, а также о других культурах и их носителях. Наиболее важными для нашего исследования являются такие характеристики современных мифологий, как их наукообразность, откровенная политизированность и то, что в основном их продуцируют средства массовой информации, включая Интернет. Наукообразность современных мифологий служит следствием непрерывного возрастания общественного авторитета науки, об опасности которого в свое время писал еще П. Фейерабенд: «Теоретический авторитет науки гораздо меньше, чем предполагают. С другой стороны, ее социальный авторитет в настоящее время стал настолько подавляющим, что необходимо политическое вмешательство для того, чтобы восстановить гармоническое развитие» [5, с. 365]. Превращению науки в мифологию в немалой степени способствует и сам характер современной науки. Тезис о том, что нам не нужны теории с высокой степенью вероятности, но невероятные теории (К. Поппер), своими словами высказал и Г. Башляр: «Мы увидим, с какой широтой обобщений современная мысль осваивает специальные знания; мы продемонстрируем некий род полемического обобщения, присущего разуму по мере того, как он переходит от вопросов типа “почему” к вопросам типа “а почему нет?”» [6, с. 32]. По нашему мнению, именно направленность современной науки на вопрос: «а почему нет?» позволяет продуцировать не только невероятные теории, но и целый ряд мифологий: от различного вида «теорий заговора» до столь же различных вариантов взаимодействия землян с космическим или потусторонним миром. Подкрепленные научными «фактами», современные мифологии легко внедряются в обыденное сознание, задающееся только одним вопросом: на чьей стороне будут инопланетяне в случае начала Третьей мировой войны?

Если в XIX и XX вв. основным инструментом создания мифологий была философия, то в XXI в. эту роль взяли на себя средства массовой информации. В данном аспекте их задачей становится уже не передача информации как таковой, а формирование политической и социокультурной идентичности через производство в сознании массового потребителя образа «себя» и образа «другого». Здесь-то и возникает противостояние

мифологий, поскольку если «мы» (несмотря на недостатки) всегда «хорошие», то «другие» (не взирая на достоинства) всегда «плохие». Конечно, «наши» оценки представителей инокультурных сообществ разнятся от добродушного смеха и легкого отчуждения до брезгливости и страха, но в любом случае они, как правило, носят негативный оттенок.

Массовый человек не имеет ни времени, ни соответствующих теоретических инструментов для того, чтобы вскрыть мифологический характер того или иного сообщения. Например, когда ему внушается миф о том, что Россия – это страна с высоким уровнем «религиозности», «духовности» и «нравственности», в его сознании не всплывут ни произведения Ивана Баркова, ни собранные Александром Афанасьевым «заветные сказки» (кстати, народные), ни некоторые произведения А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова и других, обладающие весьма фривольным содержанием.

Более того, поскольку обыденное сознание по определению гармонично объединяет в себе противоречащие друг другу элементы, оно не усматривает особого противоречия между любовью к западному фастфуду и (или) автомобилям и неприятием западного образа жизни, который, собственно, и привел к появлению соответствующих фастфуда и автомобилей. Простейшим примером гармоничного соединения противоречащего являются «Опели» и «Фольксвагены», украшенные к Дню Победы надписями «На Берлин!».

Представляется, что, несмотря на отмеченную самобытность, массы любого локального государства сходны в одном: они довольствуются мифологической картиной мира, не подвергая ее критическому осмыслению. Это вполне объяснимо, поскольку для того, чтобы акт размышления состоялся, необходимы (помимо собственно разума) два условия: 1) наличие свободного времени и 2) наличие свободной энергии, которую можно было бы направить не на повседневную деятельность, а именно на размышление. Ни тем, ни другим массовый человек не обладает. В этой связи приведем короткий текст, отражающий стереотипы западных представлений о «нас» (созданные «нами»):

«– Дорогая, я дома!

– Почему так поздно?

– По дороге медведь ногу вывихнул – пришло водкой отпаивать.

– Садитесь все! Давайте выпьем водки.

– Мам, я пойду поиграю с медведем.

– Хорошо, только сначала выпей водки.

–А где наш дедушка?

– Он вторую неделю стоит в очереди за талонами на талоны.

– Хорошо, что он перед этим выпил водки. И ты без дела не сиди – иди тоже выпей водки.

– Ладно, иди, погуляй, сынок, и не забудь написать вечером отчет в КГБ! А по пути домой не забудь купить водки – она заканчивается.

– Дорогая, что-то жарко. Выключи, пожалуйста, атомный реактор.

– Сейчас водку допью и выключу, а ты пока сыграй на балалайке» [7].

Постепенно на основе подобного рода локальных мифологий формируются относительно целостные симулякры «российскости» и «западности», находящиеся в состоянии открытого противостояния друг с другом. Как и архаические мифологические нарративы, они включают в себя ряды бинарных оппозиций, продуктивный синтез которых исключается с самого начала. Вот лишь некоторые, наиболее популярные в настоящее время ряды: «Российскость» – это духовность, державность, нравственность, православие, традиция, традиционная семья, коллективизм, традиционная культура; «западность» – это рационализм, либеральное государство, безнравственность, сектантство, стремление ко всему новому, однополые браки, индивидуализм, массовая культура. Список можно было бы продолжить, однако для данного исследования более важно то, что само наличие строгих бинарных оппозиций не предполагает замены одного «звена цепи» на другое. По крайней мере, в массовом сознании.

В этом, собственно, и состоит диалектика: массовое сознание охотно воспринимает, а российский массовый человек с удовольствием использует объекты материальной и духовной культуры, созданные в рамках западного общества. Более того, он с удовольствием критикует отечественный автопром и разработанные российскими инженерами гаджеты. Некоторые объекты отечественной культуры (водка, русская баня, автомат Калашникова и т. п.) также становятся весьма популярными на Западе. Это взаимопроникновение культур парадоксальным образом сочетается с обоюдным и совершенно откровенным неприятием на мифологическом уровне. Разумеется, мифология необходима массовому человеку для того, чтобы он чувствовал себя полноправным членом общества, результатом длительного исторического процесса, обладателем всех лучших качеств представителей своей страны. Но где же искомый синтез? А синтезом является наша повседневная жизнь, объединяющая противоречащие друг другу элементы культуры и мифологии в едином однонаправленном потоке.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М., 1934. 619 с.
2. Бауман З. Власть без места, место без власти // Социологический журнал. 1988. № 3/4. С. 86–100.
3. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999. С. 292–308.
4. Лиотар Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? URL: <http://bibliofond.ru/detail.aspx?id=78188> (дата обращения: 04.09.2018).
5. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. 542 с.
6. Башляр Г. Новый рационализм. М., 1987. 376 с.
7. Русская семья в представлении американской. URL: <http://www.yaplakal.com> (дата обращения: 06.09.2018).

Образец для цитирования:

Трунев С. И., Антоныук Е. Ю. Россия и Запад: диалектика взаимодействия культур и противостояния мифологий // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, вып. 1. С. 35–38. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-35-38>

Russia and the West: Dialectics of Cultures Interaction and Opposition of Mythologies

S. I. Trounev, E. Yu. Antonyuk

Sergey I. Trounev, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politechnicheskaya Str., Saratov 410054, Russia, si_trounev@mail.ru

Ekaterina Yu. Antonyuk, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya Str., Saratov 410012, Russia, eyu_antonyuk@mail.ru

Authors of this article state that any post-industrial society is divided into an elite and a mass (S. Bauman, P. Virilio). The elite is exterritorial and mobile, masses, on the contrary, are limited territorially and their movements are either tourism, or the labor migration. Culturally elites tend to interact among themselves more often than they do it with their nations. As for masses, they use, on the one hand, different objects of "other" cultures, but, on the other hand, they oppose each other at the level of mythologies. Of course, mythology is necessary for a mass person to feel himself a full member of the society, the result of a long historical process, the carrier of all the best qualities of his country's representatives. But there is a contradiction there. Mass consciousness is willingly accepted, and the Russian mass person with pleasure uses the objects of material and spiritual culture created within the Western society. Some objects of national culture (vodka, Russian bath, Kalashnikov assault rifle, etc.) are also becoming very popular in the West. This interpenetration of cultures is paradoxically combined

with mutual and completely outright rejection at the mythological level. The synthesis is our everyday life which unites conflicting elements of culture and mythology in a single unidirectional flow.

Keywords: elite, mass, mythology, binary oppositions, dialectics, synthesis.

References

1. Marks K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [German Ideology]. Moscow, 1934. 619 p. (in Russian).
2. Bauman Z. Power Without Place, Place Without Power. *Sotsiologicheskij zhurnal* [The Sociological Magazine], 1988, no. 3–4, pp. 86–100 (in Russian).
3. Castells M. Mogushhestvo samobytnosti [The Power of Identity]. In: *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [New post-industrial wave in the West. Antologiya]. Moscow, 1999, pp. 292–308 (in Russian).
4. Liotar ZH.-F. *Orvet na vopros: chto takoe postmodern* (Answer to the question: what is a post-modern). Available at: <http://bibliofond.ru/detail.aspx?id=78188> (accessed 4 September 2018) (in Russian).
5. Fejerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [The chosen works on science methodology]. Moscow, 1986. 542 p. (in Russian).
6. Bashlyar G. *Novyj ratsionalizm* [New rationalism]. Moscow, 1987. 376 p. (in Russian).
7. *Russkaya sem'ya v predstavlenii amerikanskoj* (The Russian family in Americans' view). Available at: <http://www.yaplakal.com> (accessed 6 September 2018) (in Russian).

Cite this article as:

Trounev S. I., Antonyuk E. Yu. Russia and the West: Dialectics of Cultures Interaction and Opposition of Mythologies. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, vol. 19, iss. 1, pp. 35–38. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-35-38>